

такими, какими они должны быть, каждый жанр в каждую эпоху и для каждого общественного слоя выдвигал свои определенные программы действий, сосредоточивал внимание на обязательных настроениях, не вдумываясь в то, каковы они были в действительности. А в это же самое время учительные жанры, и в том числе афоризмы, со всей энергией звали человека познать себя и таким путем идти к познанию окружающих. Основной объект их анализа — внутренний мир человека, определяющий его поведение. Эта литература заглядывала и в самые сокровенные уголки души человека. Она тоже учила «должному» и предостерегала от недостойных поступков, но учила, пристально всматриваясь в действительность, размышляя о причинах того или иного поступка или всего поведения человека.

III

Размышления и наставления переводных дидактических произведений на тему «како жити всякому человеку» уже с XI в. начали активно воздействовать на процесс создания русской литературы, причем это воздействие обнаруживается в творчестве и светских писателей. Не только содержание рассуждений учительных памятников о «внутреннем человеке», но и афористическая выразительная форма их сказались уже в старших произведениях, когда они затрагивали вопросы человековедения.

В Лаврентьевской летописи под 1096 г. помещено заглавие «Пouchенье», за которым следует «грамотица» Владимира Мономаха, представляющая собой наставление, соединенное с автобиографией и рассчитанное на широкий круг читателей: «Да дети мои или ин кто, слышав сю грамотицу, не посмейтеся, но ему же любя детей моих, а приметь е в сердце свое, и не ленитися начать тако же и тружатися». Таким же обращением к читателю заканчивается «Пouchение»: «Да не зазрите ми, дети мои, ни ин кто прочет ... Да сю грамотицу прочитаючи, потъснется на вся дела добрая».⁴⁹

Д. С. Лихачев дает этому произведению такую общую характеристику: «„Пouchение“ Владимира Мономаха поражает громадным запасом психологических наблюдений, обнаруживает почти поэтическое отношение автора к жизни». Выражение этого отношения в «Пouchении» носит на себе следы влияния народной поэзии. В подтверждение этого влияния Д. С. Лихачев приводит из письма Мономаха к Олегу Святославичу «образ горлицы, тоскующей на высохшем дереве», примененный к вдове Изяслава (Человек в литературе, стр. 56). Действительно, этот образ может быть связан с народно-поэтической традицией. Но в самом «Пouchении» можно предположительно вывести из этой традиции лишь сопоставление с волками половцев, наблюдавших, как Владимир с дружиной ехал «сквозе полкы половьчские»: «И облизахутся на нас акы волци стояще» (Пouchение, стр. 161). Однако собственно учительная часть «Пouchения» почти сплошь состоит из прямых или слегка измененных цитат. Автор не скрывает, что общехристианские правила поведения, которые он излагает, опираются на «слова божественая» (он цитирует Псалтырь и Евангелия), на то, чему «Василий учаше» (византийский писатель Василий Великий). Без труда узнаются и другие переводные литературные источники его советов. Однако глубокое проникновение

⁴⁹ Повесть временных лет. Часть первая. Текст и перевод. Подготовка текста Д. С. Лихачева. Перевод Д. С. Лихачева и Б. А. Романова. М.—Л., 1950 (серия «Литературные памятники»), стр. 153, 163. (Далее: Пouchение).